

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 278–286.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (87). P. 278–286.

Научная статья

УДК 127

doi: 10.54398/1818-510X.2026.87.2.025

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ОТМЕНЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ
СПЕЦИФИЧЕСКИХ «ЛИЧНОСТНЫХ» ХАРАКТЕРИСТИК ЧУЖОГО**

Мамонтов Павел Павлович

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань,
Россия

ppm122010@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6145-3184>

Аннотация. Дихотомия «Свой – Чужой» возникает уже в процессе образования древних обществ, однако только на рубеже XX–XXI вв. в научном дискурсе начинают анализироваться специфические черты Чужого, позволяющие дифференцировать его от Другого и тем более от Своего. Эти характеристики выступают значимыми маркерами состояния современного социума, позволяющими провести комплексный анализ культурного, социального и политического ландшафта эпохи, отдельного государства или региона в нем. Цель статьи – выявить специфические характеристики Чужого, формирующие его облик в рамках культуры отмены в современном мире. В качестве методологической основы работы предлагается сравнительный анализ совокупности личностных характеристик Своего и Чужого, сформированных в поле культуры отмены. Последняя, как видно из немногочисленных научных статей и размещенной в сети Интернет статистической информации, «загоняет» Чужого в жесткие рамки штампов и ярлыков, они прочно оседают в общественной психологии, становясь неотъемлемыми характеристиками личности, не вписывающейся в привычный или одобряемый большинством образ жизни. Через анализ сущности процессов дегуманизации, стигматизации и демонизации автор приходит к выводу, что процесс дифференциации на Своего и Чужого в последнее десятилетие существенно ускоряется и становится необратимым. Кэнселлинг же, активно используя влияние на общество интернета и социальных сетей, закрепляет и фиксирует личностные характеристики Чужого «отмененного», наделяет их новыми смысловыми коннотациями. Жесткость формулировок, применяемых к исключенному из социума («античеловечный», «несправедливый», «недостойный общества, в котором живет», «забытый») усиливает атмосферу непонимания и неприязни к Чужому, делает его изгоем и лишает возможности реабилитироваться и вернуться в категорию Своих.

Ключевые слова: Чужой, культура отмены, дегуманизация, социальная справедливость, дауншифтинг, экзистенциальная угроза, демонизация, социальная изоляция, стигматизация, мифологизация

Для цитирования: Мамонтов П. П. Влияние политики отмены на формирование специфических «личностных» характеристик Чужого // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 278–286. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.025>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE IMPACT OF CANCELLATION POLICY ON THE FORMATION
OF SPECIFIC “PERSONALITY” CHARACTERISTICS OF THE ALIEN

Pavel P. Mamontov

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia
ppm122010@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6145-3184>

Abstract. The “friend-foe” dichotomy arose already in the process of the formation of ancient societies, but it was only at the turn of the 20th and 21st centuries that specific features of the Alien began to be analyzed in scientific discourse, allowing it to differentiate from the Other and, moreover, from Its Own. These characteristics are significant markers of the state of modern society, allowing for a comprehensive analysis of the cultural, social and political landscape of the era, a particular state or region in it. The purpose of this article is to identify the specific characteristics of the Alien that shape its appearance within the framework of cancel culture in the modern world. As a methodological basis of the work, a comparative analysis of the totality of personal characteristics of “One's Own” and “Someone Else's,” formed in the field of cancellation culture, is proposed. The latter, as can be seen from the few scientific articles and statistical information posted on the Internet, “drives” the Stranger into the rigid framework of stamps and labels, they firmly settle in social psychology, becoming integral characteristics of a personality that does not fit into the usual or approved by the majority lifestyle. Through the analysis of the essence of the processes of dehumanization, stigmatization and demonization, the author comes to the conclusion that the process of differentiation into One's Own and Another has significantly accelerated and become irreversible in the last decade. Censorship, on the other hand, actively uses the influence of the Internet and social networks on society to consolidate and fix the personal characteristics of Someone Else's “undone,” endowing them with new semantic connotations. The harshness of the formulations applied to the excluded from society (“anti-human,” “unfair,” “unworthy of the society in which he lives,” “forgotten”) increases the atmosphere of misunderstanding and hostility towards Others, makes him an outcast and deprives him of the opportunity to rehabilitate and return to the category of “his own”.

Keywords: Alien, cancellation culture, dehumanization, social justice, downshifting, existential threat, demonization, social isolation, stigmatization, mythologization

For citation: Mamontov P. P. The Impact of Cancellation Policy on the Formation of Specific «Personality» Characteristics of the Alien. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 2 (87), pp. 278–0. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.025> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В современном социально-гуманитарном дискурсе дихотомии «Свой – Чужой» и «Культура отмены – Культура последствий» подвергаются весьма добротному анализу, однако в трудах исследователей практически отсутствует акцент на логической взаимосвязи первой пары понятий со второй. Между тем, кэнселлинг, начиная с 2010-х гг., оказывает все большее влияние на формирование образа Чужого, наделяя его сильными отрицательными характеристиками. Между тем, на ранних стадиях развития общество, по справедливому замечанию С. Н. Якушенкова, не нуждалось в Чужом [15, с. 243] и не приписывало ему исключительно негативные качества. Таким образом, вместе с «некой зрелостью» [15, с. 243], социум обретает и «зрелого» Чужого, в совокупности «личностных» качеств и свойств которого прослеживаются отвергаемые, нежелательные и неприемлемые для основной массы граждан черты.

В условиях незавершенности поиска этнической, политической и культурной идентичностей в постсоветской России и обострившихся с началом специальной военной операции и массовой отменой всего российского отношений с внешним миром образ Чужого начал дополняться откровенно агрессивными, отталкивающими чертами, в которых угадывалось массовое разочарование в Иных людях, социуме и, шире, окружающем человека мире потребления и деформированных ценностей,

сложившимся к началу XXI в. Все это актуализирует обращение к сравнительному анализу Чужого «прежнего» и Чужого «настоящего» для выявления новых, ярко проявляющих себя в поле культуры отмены его «личностных» характеристик. Проблему «прежнего» выделяющегося из социума человека рассмотрели в своих работах философы Э. Гуссерль, Э. Левинас, Ж.-П. Сартр, П. Рикер, а социолог Г. Зиммель создал «Экскурс о чужаке» (1908 г.). Идеи этой работы были дополнены и развиты А. Шютцем в труде «Чужак: социально-психологический очерк» (1950 г.). Ключевые положения названных сочинений анализируются в наши дни представителями социально-гуманитарных наук как на Западе, так и в России, думается, они дают основу для понимания изменений в отношении к Чужому, произошедших в обществе за последние сто лет.

Заметим, что несмотря на несколько отличающееся отношение к культуре отмены в России и на Западе [11, с. 72], ужесточение отношения к «не такому, как я», прослеживается во всем современном мире, но с той разницей, что в России люди остро подсознательно ощущают экзистенциальную угрозу, исходящую от Чужого [5], тогда как в западном мире эта причина не так ясно выражена; непонятный и не принимаемый социумом человек или группа людей выводятся из него с целью в первую очередь «очистить» свою систему мировоззренческих координат, не допустить проникновения в нее «сомнительных» или «сиюминутных» ценностей.

Основная часть

Размышления о наделении Чужого новыми характеристиками логично начать с констатации факта об изменении отношения к последнему. Если на рубеже XX–XXI вв. оно строилось в первую очередь на непонимании и неприятии, то к началу 2020-х гг. это отношение перерастает в ненависть [13, с. 12]. Такая трансформация взглядов на Чужого зафиксирована не только в научных работах [7; 9; 12], но и отражена в публицистике [4; 10], а также современных опросах общественного мнения [1].

Что же могло послужить причиной такой трансформации? Ответ на этот вопрос лежит в особом рода подготовке общественного сознания к восприятию Чужого. Он наделяется хорошо запоминающимися негативно окрашенными штампами, вступающими в принципиальное противоречие с ценностной шкалой условно адекватного человека: например, отрицается патриотизм, гуманность, справедливость, альтруизм Чужого, его чувство ответственности, принципиальность и т. д. Стигмы, которые можно охарактеризовать как «негативные стереотипы» [14, с. 55], придают облику Чужого устойчивость и постоянство, поскольку сами они поддерживаются массовым сознанием и, как следствие, практически не меняются. Нельзя не согласиться с Ю. Р. Шевцовым, что параллельно с распространением культуры отмены, в отношении образа Чужого активизируются такие стереотипы восприятия, «...для которых, как правило, характерны черты: простота, схематизированность, эмоциональная окрашенность и стойкость образа» [14, с. 56]. Названные шаблоны позволяют с легкостью «отменить» человека в своем сознании раз и навсегда, а затем даже не пытаться понять мотивы его поведения, что усиливает разделение общества на Нас (т. е. нормальных) и Их (людей с «отклонениями»).

Особняком в ряду последствий влияния кэнселлинга стоит попытка отмены нашей страны в целом. Шевцов аргументированно утверждает, что упрощают этот процесс стереотипы восприятия западных респондентов в отношении России. Они формируют ее облик как «холодной», «большой», «сильной», но «слишком традиционной» страны [14, с. 59]. Думается, это весьма показательный пример наделения целого государства характеристиками Чужого, выросшими из существующих штампов о России и россиянах. С сожалением приходится констатировать, что после февраля 2022 г. количество таких штампов продолжает расти на протяжении вот уже без малого четырех лет, а их внутренний настрой более жестко и конкретно позиционирует образ России как врага.

Весьма сильное влияние на приобретение Чужим специфических личностных черт оказывает технология дегуманизации. Е. В. Морозова отмечает в связи с этим: «Под дегуманизацией понимается комплекс идей и действий, позволяющих представить политических оппонентов как акторов, лишенных человеческих начал, и, следовательно, оправдывать практически любые действия в отношении них» [6, с. 122]. В современной культуре отмены число потенциальных жертв постоянно расширяется, причем дегуманизируются не только политики, но и актеры, спортсмены, деятели науки, работники пера, которые в каком-то слове или действии допустили оплошность и вышли за границы круга «своих».

Таким образом, предлагается целая классификация разновидностей дегуманизации, среди которых надделение Чужих чертами животных, представление их в виде машины или маленькой части огромного государственного механизма, создание образа Чужого как отвергнутого Богом (врага Бога), отсылка к историческому или литературному персонажу, который известен в негативном ключе (например, Герострат, Наполеон, Раскольников и т. п.), монстризация или, наоборот, представление чужака в виде «ребенка-несмышлениша» [6, с. 124].

Дегуманизация Чужого зачастую выступает начальным этапом его демонизации. По мнению А. П. Романовой, в рамках этого процесса создается образ уже даже не Чужого, а Монстра, который является квинтэссенцией «...всего негативного, агрессивного и иного» [9, с. 160]. Современному кэнселлингу в этом процессе отводится роль катализатора, усиливающего чувство опасности, которое якобы исходит от Чужого, что в конечном итоге превращает его в Монстра. «Демонизация Чужого легализует и подчас пытается оправдать весь негатив, который выливается на объект демонизации», – пишет А. П. Романова [9, с. 163]. Это в большинстве случаев приводит к стиранию границ между чужим и врагом, что усиливает в общественном сознании необходимость и даже потребность в битве с ним.

Когда же общество ощущает готовность борьбы с «врагом», в дело вступают современные электронные технологии. Развитие средств массовой информации, социальных сетей к началу 2030-х гг. позволяет легко приписать практически любому человеку, которого хотят отменить, личностные демонические характеристики, а в ряде случаев, по мнению А. И. Зигмонта, даже увязать его с некими темными силами религиозно-мистического толка [2]. Главная задача – представить Чужого-Врага деиндивидуализированной, абстрактной, лишенной границ массой, которая называется специально придуманным (чтобы не перепутать с другим Врагом) термином (например, «жидорептилоиды» – в отношении евреев). Эта масса опознаваема и отличима от Своих, легко идентифицируема, но при этом лишена человеческого статуса [2]. Несложно предположить, что, убедив социум в наличии всех качеств Демона у Чужого, его можно сразу же объявлять агрессором, преследующим исключительно деструктивные цели, а значит, заслуживающим уже не просто изоляции, а активного противостояния и борьбы «до победного конца».

В современном обществе потребления демонизация существенно укрепляет свои позиции. Критик В. Л. Торопов считает, что она, возникнув во многих случаях стихийно, «...стала широко распространенной тактикой, обросла техникой, включила в свой репертуар разноликие сценарии» [10], а потому, будучи иррациональной, но максимально конкретной, она постепенно втягивает в свою орбиту все новые объекты: демонизируются люди, их поступки, идеи, понятия, ключевые слова, институты и практики, прошлое, настоящее и будущее, даже общественные ожидания [10]. Успех этого процесса в современном мире можно объяснить тем, что зло привлекает и завораживает человека: таковы особенности психологии, и они играют на руку и деятелям «культуры отмены», и субъектам, в зону ответственности которых попадает демонизация и последующее исключение чужеродных обществу элементов.

Чтобы лучше понять сущность современного процесса демонизации, обратимся к рассуждениям американского политолога Ю. Бойкоффа. Он считает, что средства массовой информации и государство, объединившись, используют особые рамки

для «...изображения присущей врагу моральной природы», причем черты противника максимально контрастируются, например, как борьба Света и Тьмы, Добра и Зла, Прогрессивного и Отсталого, где противник выступает в образе, с которым надо бороться, а государство является «...источником такого демонического изображения» [17, р. 192]. Происходит так называемая круговая обработка сознания человека, в ходе которой усиливается его недоверие и подозрительность к непохожему на себя субъекту, довести же эту подозрительность до ненависти к Чужому, как представляется, — уже дело техники, ведь большинство людей доверяет государству и исходящим от него нарративам. Представляется важным отметить, что хоть Бойкофф описал механизм демонизации, свойственный американскому обществу, российские средства массовой информации поступают во многом аналогично, что дает возможность сделать вывод о некоей универсальности действия технологий культуры отмены во всем современном мире.

Далее, чтобы закрепить демонический образ Чужого в общественном сознании, еще сильнее акцентировать внимание на его нелицеприятных чертах, его необходимо мифологизировать. Отметим, что этические принципы мифологизации чужаков являются в начале XXI в. предметом активного научного дискурса [8; 12; 13], их суть сводится к возможности морального оправдания запугивания больших социальных групп заведомым обманом в отношении людей, которые просто не вписываются в определенные стандарты социума.

Как бы то ни было, мифологизация сегодня считается весьма эффективным инструментом создания образа Чужого, а потому и используется довольно активно. Просто нужно создать и внедрить в индивидуальное и коллективное сознание образ Другого со сверхъестественными чертами, которые могут угрожать, вселять чувство страха, дискриминировать, вызывая тем самым сплочение Своих против Не Своего. Важно понимать, что культура отмены в качестве одной из основных своих задач полагает ровно ту же: отмененный Чужой становится своеобразным зеркалом, в котором отражаются страхи социума (например, перед войной, голодом, эпидемиями) и одновременно надежды на преодоление этих страхов. Правда, способ такого преодоления только один — противостояние Чужому, воплощающему в себе классического злодея всеми допустимыми в конкретном социуме способами. И здесь под воздействием определенного мировосприятия, как справедливо отмечает А. М. Прилуцкий, «... “чужой” в дискурсе, в т. ч. предельно субъективном, идеологически мотивированном становится “чужим” *par excellence*, на чем и основана политическая пропаганда и агитация» [8, с. 69]. Такой Чужой, «лучший в своем классе», становится идеальным объектом для разносторонней критики, чем очень часто пользуются «отменяльщики» для атаки на крупный объект, например на Россию, в контексте противопоставления ее «цивилизованному миру».

Неверно думать, что механизм мифологизации чужака в современном обществе хаотичен и происходит под влиянием случайных факторов. Существует определенная последовательность действий: сначала создается упрощенный (т. е. понятный всем) негативный образ Чужого, в большинстве случаев не соответствующий реальности, но необходимый для достижения определенной цели. Затем ему приписывают иррациональные мотивы, алогичность, неизбежные угрозы, скрытые намерения или даже магическую силу, при помощи которых можно объяснить любые действия или намерения. Потом «миф о Чужом» направляют в русло укрепления идентичности Своих, которые представляются как избранные, а их действия в отношении противника — как единственно верные. Далее, при помощи эмоционального воздействия социум заставляет принять «мифическую» версию реальности, при этом не вписывающиеся в общее восприятие Чужого характеристики игнорируются. Одновременно те качества, что способны подтвердить ложное, но выгодное представление о нем, преувеличиваются. Именно так складываются представления, например, «... о славных предках-славянах, которые были цивилизованнее своих соседей-европейцев» [12, с. 39] или стереотипы о «враждебном Востоке», «исламской угрозе» и т. п.

В конечном итоге, мифологизация Чужого несет не только позитивный эффект в виде сплочения нации, но и имеет негативные последствия в виде оправдания дискриминации или агрессии против Не Своих. Объясняется это тем, что Другие-Чужие мешают построению «идеального» общества; вся вина за проблемы, существующие в социуме, закономерно перекладывается на чужака. Названный процесс, думается, прекрасно иллюстрирует амбивалентность той реальности, в которой живет современный человек. По справедливому замечанию Е. В. Хлыщевой, «...с одной стороны, в своих действиях он руководствуется собственным жизненным опытом, но с другой – он живет в мире реальности контролируемой, а иногда и просто навязываемой» [12, с. 44].

Растворение в группе Своих, враждебно относящихся к Чужим, приводит к смещению в мировоззрении человека онтологического и аксиологического начал: по мысли А. Прилуцкого, «...тот, кого следует считать злодеем, душегубом, предателем... должен обладать отличительными онтологическими признаками – его “чужовищность” становится не только метафорической, а значит – аксиологической, но и укорененной в бытии» [8, с. 73]. И это уже не столько Чужой, сколько «мифологическое чудовище», обладающее совершенно неприемлемыми качествами, недостойное жизни в обществе и практически не имеющее шансов на реабилитацию, возможности снова стать Своим.

Впрочем, не совсем верно полагать, что Чужой в современных социальных реалиях может наделяться исключительно агрессивными чертами. Например, одной из характеристик, отделяющих человека от Своих, может стать его поддержка дауншифтинга, предполагающая сознательный отказ от быстрой карьеры, высокого дохода и «жизни на бегу» в пользу гармоничного, спокойного существования «для себя» в кругу семьи. В современной иерархии ценностей такое презрение к деньгам, добровольный отказ от «успеха» в жизни и в конечном итоге ее «упрощение» как раз и является одним из признаков «непохожести» на других, а, значит, личностных особенностей чужака. Интересна в связи с этим мысль В. И. Ильина, что если в качестве критериев успеха принимать уровень удовлетворенности своей жизнью, то дауншифтинг зачастую можно рассматривать как один из видов восходящей социальной мобильности, в которой «...человек перестает стараться казаться и начинает жить, ориентируясь на свое жизневосприятие, перестает оглядываться на зеркало чужих глаз» [3, с. 80]. Такой экзистенциальный отказ может рассматриваться как неприятие жизни в рамках общепринятой традиции, а значит, и дауншифтер, стремящийся убежать от суеты и потребительства, может совмещать в себе роли отвергаемого «культурой отмены» и Другого, а иногда – и Чужого.

Заметим: дауншифтинг сам по себе нельзя рассматривать как тяжелый грех; более того, его основополагающие положения разделяются сегодня достаточно большим количеством людей. Однако реалии таковы, что личная жизнь сегодня в значительной степени упорядочивается общественной, а значит, оказаться в категории изгоев можно, допустив даже небольшие отклонения в образе мысли и аксиологических ориентирах от существующих социальных норм или добровольно отказавшись от тех благ, которые предлагает человеку социум.

Следующим важнейшим смысловым концептом, отделяющим Чужого от Своего, является идея справедливости. Апелляция к этой значимой личностной характеристике жестко дифференцирует «справедливого» Своего от поступающего не по справедливости Чужого. Так, среди недавних примеров борьбы с несправедливостью стоит выделить ситуацию с отменой певицы Л. Долиной. Спровоцированная звездой ситуация с продажей и возвращением через суд проданной квартиры, оставившая покупателя квартиры без законно приобретенного имущества и денег, разумеется, не сделало исполнительницу сразу Чужой, однако значительно приблизило ее к этому образу. Ведь в глазах миллионов пользователей интернета, быстро узнавших о происшедшем через новостные сайты, ее поступок – это уже не просто несправедливость, а опасный судебный прецедент, который ставит под удар тысячи

добросовестных покупателей квартир по всей стране. Именно это обстоятельство, по мысли обозревателя М. Ярдаевой, и приводит к сокрушительному падению рейтинга поп-дивы [16], от которого до признания Долиной Чужой не так уж и далеко. Ведь Чужой не может отражать идеи справедливости по определению, а значит, заслуживает отмены и осуждения.

Наконец, современный Чужой, за редким исключением, анонимен. Как и человек или группа людей, непосредственно отменяющих кого-либо, он как бы скрывается за своим образом, затрудняя идентификацию. И в этой невозможности определить, кто же такой на самом деле Чужой, кроется еще один мотив настороженного, а иногда и неприязненного отношения к нему. Желание скрыть свою сущность перед «не такими» порождает ареал неизвестности, которой люди подсознательно опасаются и избегают.

Подчеркнем: личностные характеристики современного Чужого в целом тесно взаимосвязаны: за последнее десятилетие, не без участия средств массовой информации и сети Интернет, они образовали причудливую систему отчуждения, непонимания, неприязни и даже ненависти к Не Своему. Культура отмены же, выступая от имени всего общества, действует быстро и решительно, высвечивая и выдвигая на первый план негативные характеристики чужака, с одной стороны, и прочно закрепляя раз сложившийся образ Чужого в сознании рядового человека – с другой.

Выводы

Таким образом, специфические характеристики Чужого, сложившиеся к середине 2020-х гг. под влиянием культуры отмены и имеющие подчеркнuto агрессивные, неприемлемые коннотации, воспринимаются общественной психологией и пропущаются через индивидуальное сознание человека, жестко дифференцируя его от Своей части социума. Такое отношение к чужаку существенно отличается от встречающегося в работах XX в., где на первый план среди характеристик Другого-Чужого-Иного выдвигались «инаковость» и «непохожесть»; начиная со второго десятилетия XXI в. на первый план выходят такие «личностные» качества, как «агрессивность», «страх» и «интолерантность».

Негативное восприятие современного Другого / Чужого строится на расчеловечивании его образа, обесценивании индивидуальности и личной свободы, придании облику агрессивных черт. Культура отмены выступает в этом процессе как важнейшая технология формирования общественного мнения в отношении отменяемого, изменить которое очень сложно, а, значит, и избавиться от ярлыка Чужого тоже практически невозможно.

Формирование личностных черт Чужого проходит несколько этапов: через дегуманизацию к демонизации, а затем к мифологизации. На этот момент времени «обвиняемый» уже наделен устойчивой совокупностью ярлыков, тиражируемых и закрепляемых в общественной психологии средствами массовой информации, отражающих его «античеловечность», «несправедливость», «нетерпимость», «желание жить для себя» и т. п. При этом позитивные качества причисленного к Чужим обходятся стороной, чтобы избежать возможного сострадания или симпатии, а также поддерживать негативную окрашенность образа.

В рамках политики отмены концепт Чужого реализуется чаще всего в интолерантной модели: это враг, с которым необходимо бороться, но членам социума необходимо не только его «показать», но и наделить неприемлемыми для максимально широкого круга лиц чертами [6, с. 122]. Создав такой образ, кэнселлинг достигает цели сплотить общество в борьбе против «подрывающих» его стабильность индивидов, облегчает социально-политическую самоидентификацию граждан. Однако сам факт наличия такого образа чужака в общественном сознании может выступать деструктивным фактором гармоничного развития социума. Одним из способов преодоления этого деструктивного влияния, думается, может стать трансформация общественного мнения в отношении Чужого с гуманистических позиций.

Список источников

1. Возвращение морали. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozvrasheniye-morali> (дата обращения: 04.12.2025).
2. Зыгмонт, А. И. Образ врага / А. И. Зыгмонт // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/obraz-vraga-35a05d> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Ильин, В. И. Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность / В. И. Ильин // Социальное время. – 2015. – № 1. – С. 78–91.
4. Как любовь к «своим» превращается в ненависть к «чужим». Роберт Сапольски – об опасностях групповой идентичности. – URL: <https://reminder.media/post/brian-violence> (дата обращения: 04.12.2025).
5. Кузнецов, Г. Про экзистенциальную угрозу: как Запад научили бояться Россию / Г. Кузнецов. – URL: <https://vz.ru/opinions/2025/4/13/1325697.html> (дата обращения: 03.12.2025).
6. Морозова, Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа Другого / Чужого в политике / Е. В. Морозова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 6. – С. 121–128. – doi: 10.12737/16971.
7. Мухина, В. С. Отчуждение от себя: тщеславие и гордость, порождающие зависть и ненависть к ближнему / В. С. Мухина, А. А. Хвостов // Развитие личности. – 2011. – № 2. – С. 26–67.
8. Прилуцкий, А. М. Образ «Чужого» как предмет мифологической семиотизации / А. М. Прилуцкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 1. – С. 67–73.
9. Романова, А. П. Образ «чужого» на постсоветском пространстве / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 4 (49). – С. 159–166.
10. Топоров, В. Л. Демонизация как феномен / В. Л. Топоров. – URL: <https://vivovoco.astronet.ru/VV/NG/DEMON.htm> (дата обращения: 05.12.2025).
11. Фишман, Л. Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? / Л. Г. Фишман // Антиномии. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 70–82. – doi: 10.17506/26867206_2024_3_70.
12. Хлыщева, Е. В. Мифологема «свой – чужой» в гетеротопном пространстве общества потребления / Е. В. Хлыщева // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – № 3. – С. 34–49.
13. Хоружий, С. С. Другой – Чужой – Враг: антропология замыкания и ненависти / С. С. Хоружий // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. – 2018. – № 3. – С. 11–39.
14. Шевцов, Ю. Р. Стигматизация, образ врага и стереотипы в межнациональных отношениях / Ю. Р. Шевцов // Журнал социологических исследований. – 2018. – Т. 3, № 4. – С. 54–61.
15. Якушенков, С. Н. Образ чужого: от деконструкции к конструкции / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3. – С. 242–249.
16. Ярдаева, М. Как Лариса Долина отменила сама себя. – URL: https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/22122937.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 07.12.2025).
17. Boykoff, J. Beyond Bullets: the Suppression of Dissent in the United States / J. Boykoff. – Edinburgh: AK Press, 2007. – 460 p.

References

1. *Vozvrashcheniye morali* [The Return of Morality]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozvrasheniye-morali> (accessed: 04.12.2025).
2. Zygmunt, A. I. *Obraz vraga. Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [The image of the enemy. The Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/obraz-vraga-35a05d> (accessed: 05.12.2025).
3. Ilin, V. I. *Daunshifting kak voskhodyashchaya sotsialnaya mobilnost* [Downshifting as upward social mobility]. *Sotsialnoye vremya* [Social time]. 2015, no. 1, pp. 78–91.
4. *Kak lyubov k "svoim" prevrashchayetsya v nenavist k "chuzhim". Robert Sapolski – ob opasenyakh gruppovoy identichnosti* [How love for "our own" turns into hatred of "them". Robert Sapolsky on fears of group identity]. Available at: <https://reminder.media/post/brian-violence> (accessed: 04.12.2025).
5. Kuznetsov, G. *Pro ekzistentsial'nyuyu ugrozu: kak Zapad nauchili boyatsya Rossiyu* [On the existential threat: how the West was taught to fear Russia]. Available at: <https://vz.ru/opinions/2025/4/13/1325697.html> (accessed: 03.12.2025).
6. Morozova, E. V. *Degumanizatsiya kak tekhnologiya formirovaniya obraza Drugogo/Chuzhogo v politike* [Dehumanization as a technology for forming the image of the

Other/Alien in politics]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2015, no. 6, pp. 121–128, doi: 10.12737/16971.

7. Mukhina, V. S., Khvostov, A. A. Otchuzhdeniye ot sebya: tshcheslaviye i gordost, porozhdayushchiye zavist i nenavist k blizhnemu [Alienation from oneself: vanity and pride, which give rise to envy and hatred of one's neighbor]. *Razvitiye lichnosti* [Personality development]. 2011, no. 2, pp. 26–67.

8. Prilutskiy, A. M. Obraz “Chuzhogo” kak predmet mifologicheskoy semiotizatsii [The image of the “Alien” as a subject of mythological semiotization]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015, no. 1, pp. 67–73.

9. Romanova, A. P. Obraz “chuzhogo” na postsovetском prostranstve [The image of the “alien” in the post-Soviet space]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture]. 2016, no. 4, pp. 159–166.

10. Toporov, V. L. *Demonizatsiya kak fenomen* [Demonization as a phenomenon]. Available at: <https://vivovoco.astronet.ru/VV/NG/DEMON.htm> (accessed: 05.12.2025).

11. Fishman, L. G. “Kultura otmeny” v Rossii: ot nepriyatiya k ogranichenomu primeneniyu? [Cancel Culture in Russia: From Rejection to Restricted Use?] *Antinomii* [Antinomies]. 2024, vol. 24, no. 3, pp. 70–82, doi: 10.17506/26867206_2024_3_70.

12. Khlyshcheva, E. V. Mifologema “svoe – chuzhoy” v geterotopnom prostranstve obshchestva potrebleniya [The mythologem “friend or foe” in the heterotopic space of consumer society]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Man. Community. Management]. 2015, no. 3, pp. 34–49.

13. Khoruzhiy, S. S. Drugoy – Chuzhoy – Vrag: antropologiya zamykaniya i nenavisti [Other – Alien – Enemy: the anthropology of isolation and hatred]. *Fonar Diogena: chelovek v mnogoobrazii praktik* [Diogenes' Lantern: Man in a Diversity of Practices]. 2018, no. 3, pp. 11–39.

14. Shevtsov, Yu. R. Stigmatizatsiya, obraz vraga i stereotipy v mezhnatsionalnykh otnosheniyakh [Stigmatization, enemy image, and stereotypes in interethnic relations]. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy* [Journal of Sociological Research]. 2018, vol. 3, no. 4, pp. 56–61.

15. Yakushenkov, S. N. Obraz chuzhogo: ot dekonstruktsii k konstruktsii [The image of the Alien: from deconstruction to construction]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture]. 2012, no. 3, pp. 242–249.

16. Yardeyeva, M. *Kak Larisa Dolina otmenila sama sebya* [How Larisa Dolina cancelled herself]. Available at: https://www.gazeta.ru/column/yardeyeva/22122937.shtml?utm_auth=falce (accessed: 07.12.2025).

17. Boykoff, J. *Beyond Bullets: the Suppression of Dissent in the United States*. Edinburgh: AK Press; 2007, 460 p.

Информация об авторе

Мамонтов П. П. – аспирант.

Information about the author

Mamontov P. P. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 31.03.2026.